

даній, просвѣтляясь и очищаясь ими, доходятъ большею частью они до этого состоянія; такую „радость прощенія“ испыталъ и сухой Каренинъ, и то, что было источникомъ его страданій, стало источникомъ его духовной радости, то, что казалось неразрѣшимымъ, когда онъ осуждалъ, упрекалъ и ненавидѣлъ, стало просто и ясно, когда онъ прощалъ и любилъ“ 1). Такимъ образомъ, если исканіе правды и добра отличаетъ Толстаго-проповѣдника, то вѣдь на немъ построены и его художественные образы. А гдѣ нѣтъ любви и смиренія, добра и правды, тамъ жизнь, хотя бы казалась красивой, представляется ему жалкой и смѣшной. И если въ послѣднемъ періодѣ Толстой нападаетъ на фальшь и ложь нашей жизни, на ея мишурную красоту и блескъ, бичуя всякую ходульность, эгоизмъ, такъ и въ художественныхъ образахъ разоблачалъ онъ истинное ничтожество ходульнаго, мнимаго героизма, изобличалъ ложное, эгоистическое величіе; съ гигантской силы юморомъ рисовалъ онъ въ „Войнѣ и Мирѣ“, въ противоположность Кутузову, призрачное величіе Наполеона. Обманчивую красоту свѣтской жизни Толстой-художникъ также раскрываетъ передъ читателемъ, обнажая ея фальшь и зло, съ тою же безпощадностью, съ какой это онъ дѣлалъ позднѣе, какъ моралистъ. Стоитъ вспомнить хотя бы сцены салонной жизни въ „Войнѣ и Мирѣ“ или хотя бы тѣ проникнутыя ѣдкимъ юморомъ страницы „Анны Карениной“, гдѣ Вронскій считаетъ свои весьма не малые доходы, которыхъ однако не хватаетъ на покрытіе его потребностей, и гдѣ приводятся правила, которыми руководился онъ въ жизни, и которыя „были несомнѣнны“ для него 2).

Такъ художественное чутье опережало теоретическую мысль автора. Во второмъ періодѣ нравственно-религіозныя воззрѣнія его выражаются уже въ формѣ теоретической проповѣди; разбросанные лучи религіозно-нравственнаго міросозерцанія ясно сознаны теперь и приведены въ систему, найдя себѣ средоточіе и твердую опору въ Евангеліи; а

---

1) „Анна Каренина“, ч. IV, гл. 19.

2) Часть III, гл. 19—20.